

ЯМБО

РОССИЙСКИЙ РЕНЕССАНС

Услужливый портной принес вам новое платье...

Ни одной складочки нет на нем. Внешность его такова, что умиленно бьется сердце и губы благоговейно шепчут:

— Есть еще красота в этом мире!

Вы надеваете это платье и выходите на улицу.

О, сладкий, о, незабываемый момент!

Все прохожие, пролетающие мимо вас, напрасно делают равнодушное скучающее лицо — они не обманут вас! Вы тонко понимаете, что это только равнодушная личина. А под нею? Самая бешенная палящая зависть.

Лицо-то у него, у прохожего скучающее. Мертвое, а внутри он думает:

«Ну, и что же это за замечательный костюм на этом человеке! Послал же Господь! Вот бы мне такой костюмчик!»

Дамы восторженно перешептываются, мальчишки столбенеют от восхищения, и даже извозчики особенно подобострастно предлагают свои услуги.

Идете вы, а в мозгу все время вертятся прекрасные слова поэта: «Красота — это страшная сила!»

Идете вы — всякая лужа, всякая горсточка пыли повергает вас в ужас и трепет:

А вдруг запачкаю платье?!

Устали вы, захотелось отдохнуть, а сесть страшно: мучительные вопросы терзают вас: а вдруг стул грязный? А вдруг в сиденье торчит незаметный гвоздь? А вдруг материя помнется?

Ходите вы на цыпочках, балансируя расставленными руками. А ощущение у вас такое, будто вас облегает не мягкая удобная материя, но твердые жестяные трубы на руках и ногах — не согнешь их и не сядешь!..

Трудно ходить в непривычном новом платье!

* * *

Но вот вы после этой утомительной прогулки вернулись домой. Первый ваш поступок — вы осторожно, стараясь не повредить, стаскиваете новое непривычное платье; второй поступок — надеваете со вздохом облегчения старые, потертые с волдырями на коленях брюки и такого же сорта пиджак, на одном из локтей которого сияет небольшая, но очень уютная дыра; третий поступок — в этом дряхлом костюме вы бросаетесь с размаху на диван. Ерзаете на нем, как хотите, застегиваете пуговицы пиджака на все ветхие петли и опять одним махом расстегиваетесь нараспашку.. О, милое старое привычное и уютное животное! Как легко теперь твоему хозяину, теперь, когда ты облегаешь своими складками давно уже рабски и покорно принявшими все изгибы, впадины и выпуклости хозяйского тела!

Приятно вернуться к привычному!

* * *

Благосклонный читатель! Если бы ты знал, как странно и непривычно мы все — русские писатели и журналисты — почувствовали себя в мартовские дни, когда все-российский портной принес нам новое пышное, до одурения элегантно платье;

— Свободу печати!

Напялили мы его на себя, и первое время в толк не могли взять: как нам сесть. Как встать, как сделать не-

сколько шагов: красивая, элегантная штука, а с непривычки неудобно...

То ли дело старая цензурная хламида, потертая, засаленная, закапанная красными чернилами, истыканная красными карандашами, принявшая все изгибы нашего грешного писательского тела — вон она висит в дальнем темном углу, с чудовищными вздутиями на коленях и локтях, как распухший в суставах ревматический висельник...

Прощай навсегда, старый товарищ!..

Расстаться настало нам время...

* * *

Ан нет!

Погуляли мы, погуляли в новом костюмчике, покрасовались, покрасовались на улице — ну, и, пожалуйста, домой!

Вот мы и дома!

Осторожно, чтобы не повредить, стаскивают с нас пышный наряд свободомыслия, и пока мы раздеты. Ежимся и жмемся от холода. Некто, в фабричном картузе, уже снимает с гвоздя нашу старую затрепанную, но такую привычную и уютную хламиду:

— Облекайтесь-де...

Противная это штукавина — рванная, с кислым запахом, зато своя домашняя — легче и удобнее в ней резвиться и ерзать на своем месте.

Оделись... Вот мы и дома!

С праздничком вас, милостивые господа, и вы, рыцари пера и карандаша!

Каково гулялось?

Газеты сообщают:

«Одна из киевских газет взята местным ЭС-ЭР и ЭС-ДЕ (Социал-революционеры и Социал-демократы) под предварительную цензуру».

Пожалуйте домой! Натягивайте домашнее будничное барахло! Повеличились — и довольно.

В гостях хорошо. А дома лучше, по одежке протягивай и ножки, повадилса кувшин по воду ходить... и так далее.

Что вообще полагается говорить нашему простодушному русачку в утешение и назидание.

* * *

Брожу я сейчас по комнате в старой, засаленной, закапанной красными чернилами хламиде — и уютно мне, и люблю мне...

Девять лет привыкал я к ней, привык, наконец. Так что хламида эта почти приросла к моему телу. Так неужто-ж мне легко было переменить ее на барское заграничное платье?

Не по носу табак, руби дерево себе по плечу, а революционная лошадь, по-моему, самое благородное животное!

И осел тоже...

1917

Фельетон «Российский Ренессанс» вызывает самые прямые аллюзии с нашими днями, подтверждая известное изречение, что новое — это хорошо забытое старое.

Но кто спрятался под псевдонимом «Ямбо» и откуда взялось это имя? Оказалось, так звали циркового слона, любимца американской детворы. Кто же из русских сатириков решил предстать перед читателями в этом облике? Ответа в словаре псевдонимов Массанова найти не удалось. Но разгадка, оказывается, хранилась в самом тексте фельетона. По манере изложения «Российский Ренессанс» очень напоминал фельетон Аркадия Аверченко «Отрыжка», где Февральская революция была представлена в виде медового месяца новобрачных с последующей прозой жизни. Здесь же был использован образ перемены одежды — старая цензурная хламида, наконец, сброшена с плеч и можно облачиться в одежды свободы.

Но это еще не доказательство. Сатирик между тем проговаривается, что девять лет терпел цензурную каторгу. Стало быть, автор должен был девять лет редактировать журнал, испытывая все прелести различных запретов и гонений. А именно в 1917 исполнилось девять лет с начала выхода «Сатирикона» (с 1913 года он переименовал

название на «Новый Сатирикон»), у штурвала которого бессменно стоял А. Аверченко.

Кроме того, был еще один штрих — Ямбо не только писал фельетоны, но и рисовал карикатуры. А именно таким разнообразным талантом отличался опять же Король смеха. И еще — в тексте одного из рассказов Аверченко опять же встречалось это имя слона. Так что все складывается в пользу того, что «Ямбо» — это действительно один из псевдонимов Аркадия Аверченко, которым он пользовался в журнале «Барабан» в 1917 году.

Публикация Рафаэля СОКОЛОВСКОГО